Начавшаяся на рассвете атака принесла первые результаты.

Ранним утром охватывавший полукольцом крепость посёлок угодил в лапы Колома.

Великая армия Колома с баллистами в авангарде! Выпущенные чудовищными конструкциями массивные валуны в один миг разнесли окружавший посёлок частокол, и войска Колома хлынули через поверженную преграду.

Солдаты быстро обратили поселение в сплошное пожарище. Граф Любек одобрил даже мародёрство, считая, что, отведав вкус крови, боевой дух армии лишь возрастёт.

Однако нужного эффекта добиться не удалось. Оказалось, что жители уже оставили посёлок. Кроме того, в домах не отыскалось ни грамма провианта. Враги словно знали о грядущем вторжении!

Они и впрямь были в курсе. Отправленные Широном гонцы предупредили людей о приближении неприятеля.

Получив оповещение, Монтень немедленно отозвал войска в крепость. Сражаться за частокол он не собирался – если вражеская армия действительно насчитывает сорок тысяч бойцов, это попросту глупо.

Итак, посёлок был сдан, однако защитники крепости не понесли никакого урона. Это был поистине стремительный манёвр.

В настоящий момент армия Колома стояла лагерем у внешних стен Павитона и переводила дух. Штурм должен был возобновится с новым залпом баллист.

На месте событий воцарилось затишье. А вот ставка Колома тем временем стояла на ушах.

Трах! – Тяжело дыша, граф Любек изо всей силы врезал кулаком по столу. Послышался хруст, и обломки уже бывшего предмета мебели разлетелись по полу.

Стоящие пред ним на коленях семеро рыцарей не решались поднять головы. Что же такого они ему поведали?!

Одним из семерых, чуть впереди прочих, стоял граф Кунцман с покрасневшими от слёз глазами.

«Господин Любек! Прошу, казните меня!» – постарался он произнести пылко, но горло так осипло, что слова были еле слышны.

«Да как такое возможно?! Потерять не одну, не две, а все двадцать тысяч бойцов, притом не нанести никакого урона врагу! Хотите сказать, вы угробили всю молодую поросль Колома и горстка рыцарей – единственные, кто сумели вернуться?»

Семеро опустили головы ещё ниже.

«Во всём виноват лишь я – тупоголовый кретин. Я должен был в первую очередь думать о солдатах!..» – проговорил Кунцман, захлёбываясь слезами.

В обычных обстоятельствах граф Кунцман, глава Третьего рыцарского Ордена Колома, не стал бы так унижаться перед графом Любеком, будь даже трижды неправ.

Но ныне военное время, а Любек назначен главнокомандующим. И, потеряв войско, Кунцман должен был нести пред ним ответ, как перед своим командиром.

Некоторое время тяжело сопевший Любек сделал, наконец, глубокий вдох, чтобы привести себя в чувство и начать оценивать ситуацию здраво. Тем не менее, когда он обратился к Кунцману, глаза его всё ещё таращились от гнева.

«Ладно, ладно. А теперь объясните всё с самого начала. Ведь именно для этого вы вернулись живыми?»

Сипя и заикаясь, Кунцман начал свой рассказ. По его словам, он и его люди спали, когда послышался жуткий рёв, после чего со склона на них покатились бочки с маслом.

В этот момент лицо Любека побледнело.

«Чёрт, да это ж огневой налёт!»

Воображение нарисовало картину – котловина, окружённая со всех сторон горными склонами, дно которой устлано сухими ветвями. Случись пожар – и вы окажетесь совершенно беспомощны.

Так и есть! Кунцман продолжил повествование рассказом об огненных стрелах. О том, как те метеорами сыпались с неба, и о бочках с маслом, которые продолжали скатываться на лагерь.

И в наступившем аду, как признались рыцари, они предприняли контратаку, устремившись вверх по склону.

«Идиоты! Поверить не могу, что вы бросили своих солдат и кинулись мстить, когда вокруг всё сгорало в огне!» – вскричал в ярости главнокомандующий.

Несмотря на то, что Кунцман моложе, Любек никогда не позволял себе разговаривать с ним в таком тоне. Да ещё в присутствии подчинённых.

Но сейчас он был слишком взвинчен, чтобы обращать на такое внимание.

Граф Кунцман опустил голову ещё сильней. Из глаз его катились крупные слезы.

«Так что? Вы поднялись по склону и прикончили вражеского командира?»

У графа Любека оставалась маленькая надежда. Зная Кунцмана, он рассчитывал, что тому удалось пленить или хотя бы устранить лидера врага.

Но тот лишь с горечью покачал головой.

«Я не смог. Его солдаты насели на меня с глазами безумцев, и мне не удалось завершить начатое!..»

Лицо графа Любека вновь побледнело.

«И-иии!»

В шатре ненадолго воцарилась тишина. Все были слишком подавлены, чтобы продолжить беседу.

«Тогда хоть как враг был одет? Может ли статься, что засаду устроили не рыцари Павитона, а основные силы Галика? Мы каким-то образом допустили утечку информации?»

И вновь Кунцман обманул ожидания Любека, замотав головой.

«Никак нет! Это было наспех собранное войско, по большей части из гражданских. Среди врагов почти не было рыцарей, от силы два или три человека», – и тут он взвыл раненым зверем. – «Тем не менее, я потерял шестьдесят своих рыцарей, сумев вытащить только шестерых!»

«Да как такое может быть?! Толпа крестьян сумела одолеть рыцарей?! Да сколько их ни собери, стоит прикончить человек пятнадцать – все разбегутся!»

Любек был вне себя от злости.

«Но они не разбежались. Они и в самом деле походили на буйнопомешанных – лезли и лезли вперёд, не замечая гибель товарищей. Чтобы обездвижить рыцарей, бросали в них сети, после чего забивали камнями, или колотили кирками и кузнечными молотами. На каждого из рыцарей приходилось по сто и более человек!»

Граф Любек ткнул носком сапога одного из подчинённых Кунцмана. Следовало понять, насколько правдива информация.

Тот быстро закивал.

«М-мы сами едва спаслись. Как-то оступился – и на меня набросились человек тридцать – еле вырваться удалось! Как бы ни колол я их мечом, они и не думали выпускать меня из хватки.»

«Это н-не!.. Да как простые крестьяне могут биться с таким остервенением?! Я понимаю, один-два человека, но не всей же толпой!..»

«Мы тоже ничего не могли понять. Выглядело так, словно на нас кинулись загнанные в угол крысы.»

Любек вновь обратился к Кунцману: «Расскажите мне больше о вражеском командире. Кто он вообще такой?»

«Н-не знаю. На вид ему не больше тридцати, но… он свирепо орудовал копьём и не думал отступать. Все остальные беспрекословно следовали его приказам… Кх-хх!» – Кунцман закусил губу, и слёзы потекли по щекам с новой силой.

Одна лишь мысль о тех демонических отродьях напоминала ему о сгоревших заживо солдатах.

«Так молод? Невозможно!» – у Любека натурально отвисла челюсть. – «Н-нет. Так решительно не пойдёт. Мы не можем позволить себе уступить в этой войне. Если проиграем, столь молодой командир незамедлительно станет героем всего Галика. В этом королевстве не должно возникнуть сильной точки притяжения. Иначе, имея его перед собой в качестве живого примера, народ Галика может сплотиться и напасть на Колом в ответ!»

Как и ожидалось от стратега, граф Любек быстро вник в ситуацию. И моментально осознал опасность, исходящую от личности по имени Широн.

«Мы должны победить. Нужно любым способом выиграть эту войну!» – в голосе послышались

нотки отчаяния.

Тут Кунцман ткнулся лбом в пол и вскричал: «Моё время пришло! Я дожил до этого момента лишь чтобы рассказать вам обо всём, теперь же прошу – накажите меня в соответствии с законами военного времени! Я ужасный командир, ставший причиной гибели своих людей, и должен понести соответствующее наказание.»

Стоило ему попросить казни, другие рыцари также принялись бить челом.

«Мы тоже достойны смерти. Просим, казните нас!»

Все они были в слезах и желали обрести прощение в посмертии.

И они заслуживали казни. Да и как можно продолжать жить, смотреть людям в глаза, когда пред тобой обгоревшие трупы подчинённых и товарищей?

«Ах вы!..» – не сдержал гнева Любек и принялся избивать Кунцмана и его рыцарей командирским жезлом. Казалось, в его глазах также стоят слёзы.

«Придурки, олухи! Решили сдохнуть по-благородному? А вы не подумали, что скажет народ Колома, ежели вам даруют такую смерть?! И что я скажу его величеству, доверившему всем нам свои войска? Да, вы по полной облажались – и теперь обязаны искупить вину! Вы больше не гордые рыцари! Вам придётся идти на штурм Павитона в рядах простых солдат. И если суждено сдохнуть – так умрите в бою!»

Слова Любека заставили рыцарей плакать навзрыд.

Кунцман ревел как медведь, утративший семью, и стучал кулаками по полу, не обращая внимания на то, что кожа на костяшках лопнула, и кровь стекает по рукам.

Граф Любек выбрался из командирского шатра и двинулся на линию фронта. Он не желал дольше выслушивать их рассказы. И не хотел, чтобы подчинённые слышали медвежий рёв Кунцмана. Иначе боевой дух Второго рыцарского Ордена неминуемо упадёт.

Простых солдат о позорном поражении в долине решили не информировать. Иначе это вызовет волнение в войсках и приведёт к срыву осады.

Любек рассуждал сам с собой, подставив ветру лицо: «Они всё знали. Они готовились к нашему вторжению. Отсюда и западня в долине, и приготовления в крепости. Но… как они догадались? Как поняли, что я оставлю часть войск в долине? Неужто у них тоже появился мудрый стратег?»

Стены Павитона казались немыслимо высокими. Увидев их впервые, граф считал, что пройдёт через них как нож сквозь масло, но теперь уверенности в нём резко поубавилось.

«Если мыслить в подобном ключе, то виноват не только Кунцман. Он из тех людей, кто, впадая в ярость, забывают о последствиях… И ведь не скажешь же, что я об этом не знал! Потому должен нести полую ответственность за разоблачение моей стратегии. Ты облажался, Любек – как ты теперь вступишь в сражение с основной армией Галика?»

Однако граф быстро взял себя в руки. Ведь он – главнокомандующий этой кампании, и не имеет права депрессировать. Он должен бороться за себя и за жизни своих людей!

Любек сжал кулаки.

«Нужно собраться с мыслями. Придётся вернуться к самому началу и проработать стратегию заново. В первую очередь нам следует захватить Павитон, а там уже глядеть по ситуации. Как бы то ни было, а шансы на победу над основной армией Галика появятся теперь только если крепость будет в наших руках.»

Граф оживился. Всё верно – война ещё не закончена! Пусть и не получится, как планировалось ранее, истребить, взяв в клещи, главную армию Галика, но цели всё ещё можно достигнуть, если захватить Павитон.

И Любек дал подчинённым отмашку.

Ву-уу! Ву-ууу!

Горнист выдул из своего инструмента два протяжных звука. В то же время солдаты Колома принялись устанавливать баллисты напротив внешнего обвода крепостных стен. Расстояние между ними и стеной составляло около шестидесяти метров. Этого было достаточно, чтобы цель попала в зону досягаемости баллист.

Огромные баллисты, деревянные основания которых имели двадцать метров длины, медленно погружали опоры в землю. Естественно, сами по себе орудия на такое не способны. Им, в грязи с головы до ног, усердно помогали солдаты из инженерной бригады Колома.

Чтобы выстрелить крупным валуном, баллиста должна иметь надёжную точку опоры. И люди рыли землю и вбивали в неё деревянные столбы, чтобы устранить саму возможность непроизвольного смещения конструкции.

http://tl.rulate.ru/book/104928/3680506